

Чжао Хэн пошёл спать, но ворочался без сна. Перед глазами стояли картины дня: поле боя, смерть, предостережение Добряка. Чем больше думал, тем меньше хотелось спать. К полуночи сон окончательно улетучился.

Он вышел подышать. Ночью в крепости было холодно, ветер пробирал до костей. Уже собирался вернуться в тёплую постель, как услышал сдавленные всхлипы.

На душе стало скребко. Хотелось посмотреть, но совесть не пускала — если плачут ночью, значит, не хотят свидетелей. Но тут донесся лязг вынимаемого из ножен клинка. Чжао Хэн бросился на звук.

Это был тот самый чернолицый юноша, что столкнулся с ним днём. Вид его был ужасен: половина лица замотана окровавленными тряпицами, правой руки не было. Сердце Чжао Хэна сжалось — он вспомнил, как ловок тот был всего несколько часов назад.

Юноша был в полузабытьи. Увидев Чжао Хэна, вздрогнул, присмотрелся — и узнал. Говорить не мог, лишь левой рукой слабо махнул: уходи. Чжао Хэн замер, не зная, что сказать. В этот момент подошёл молодой человек. Он шёл быстро, озабоченно, но, увидев чернолицего, во взгляде его мелькнула жалость.

— Зачем ты так? — тихо спросил он.

Чернолицый жестом показал на грудь, потом провёл пальцем по горлу — жить не хочу.

— Эх, — молодой человек вздохнул. — Сейчас умереть и вправду лучше, чем влачить жалкое существование. Раз ты выбрал — не стану мешать.

Он взял из ослабевших пальцев юноши кинжал и быстрым, точным движением вонзил ему в основание шеи. Тот вздрогнул и обмяк. На забинтованном лице, кажется, мелькнула благодарность — но разглядеть было трудно.

Чжао Хэн стоял как вкопанный. Молодой человек обернулся к нему:

— Сообщишь кому?

— Он сам хотел, — глухо ответил Чжао Хэн. — Мне нечего сказать.

— Поможешь донести до братской могилы?

Солдат, павший на чужбине, домой не вернётся. Их свозили в одно место, хоронили в общей яме. Со временем оно и стало тем самым могильным курганом. Молодой человек выкопал неглубокую яму, уложил тело, забросал землёй.

— А учёт? — спросил Чжао Хэн.

— Ничего, — тот отряхнул руки. — Я его изначально в живых не записывал.

Чжао Хэн почувствовал лёгкий холодок по спине. Молодой человек усмехнулся:

— Знаю, о чём думаешь. Я тысяцкий, в той неразберихе мог скрыть. Хотел дать ему шанс — если бы выжил, отправил бы подальше, под другим именем. А если бы выбрал уход... что ж, и это нетрудно устроить.

«Дурак я, что ли, — подумал Чжао Хэн. — В таком состоянии далеко ли уйдёшь? Кто его

приютит?»

— Пойдём обратно, — сказал он вслух.

Молодой человек улыбнулся, но не возразил. Шли молча. Вдруг он пристально посмотрел на Чжао Хэна.

— Кто твой отец?

— Нет у меня теперь отца, — буркнул Чжао Хэн. — На войне погиб. Что, тоже знал?

— Нет, — тот покачал головой. — Просто видел одного, очень на тебя похожего. Впрочем, наверное, уже мёртв. Тебя другие спрашивали?

— Спрашивали. Неважно. А у тебя улыбка какая-то лисья.

— Да? — молодой человек рассмеялся. — Не первый раз слышу.

— Значит, другие тоже не слепы.

— А ты себя не проверял?

Так, перебрасываясь колкостями, они добрались до палаток. От пережитого Чжао Хэн вымотался, рухнул на постель и провалился в сон.

Молодой человек, вернувшись к себе, вспомнил эту живую, колючую реакцию и снова усмехнулся. Потом вспомнил про «лисю улыбку» — и смешок замер. Голос его прозвучал тихо, с лёгкой металлической ноткой:

— Снова стало не скучно.

Чжао Хэна растолкали. Он с трудом разлепил глаза — над ним склонился Добряк.

— Еле живой, — пробормотал Чжао Хэн.

— Всё равно подъём, — тот неумолим. — Работа.

Чжао Хэн поднялся. Добряк пояснил:

— Ночью несколько человек не выдюжили. Надо убрать, посыпать известью, койки подготовить, раненых дальше досматривать.

— И всё это на нас двоих?

— Остальных командир на новый строй загнал, — Добряк вздохнул. — После учений помогут, но сейчас они выжат как лимон. Так что пока — мы.

— А я-то думал, служба в тылу — дело спокойное.

— В мирное время — да. А кто хотел покоя, те уже полегли. Дела настоящего тут мало, а вот мороки — выше крыши. Но если и её делать перестанем — самим скоро конец придёт.

— Удивительно, — крикнул Чжао Хэн. — Глубокомысленно как.

— Кто не мыслит, тот с ранеными рядом лежит, — отрезал Добряк.

Чжао Хэн высунул язык:

— Ладно, пошли, за ранеными посмотрим.

Многие раненые были раздражительны, но Чжао Хэн не мог на них сердиться. Глядя на них, он вспоминал того чернолицего юношу, его ночной плач и последний выбор. И отдавал все силы, чтобы хоть как-то облегчить их участь.

С Добряком они работали бок о бок. После особенно тяжёлого дня выбирались на холм за крепостью и скрещивали клинки — не всерьёз, так, чтобы пар выпустить. После валились на траву, и Добряк расспрашивал о прошлом. Чжао Хэн отмалчивался.

— Ладно, — наконец сказал Добряк. — Не хочешь — не надо.

Чжао Хэн встал и пошёл в лагерь. Из тени вышел тот самый молодой человек.

— Ты, тысяцкий, больно вольготно себя ведёшь, Чжунли Цэ, — бросил ему Чжао Хэн.

С той ночи Чжунли Цэ действительно «беспокоил» его постоянно — во время отдыха, за едой, даже когда он спал. Иногда Чжао Хэну казалось, что быть тысяцким — не так уж плохо: можно целый день слоняться без дела, ни о чём не заботясь.

Когда Чжунли Цэ в очередной раз загнал его в угол, внезапно появился Добряк. Он шагнул между ними.

— Если он не хочет с тобой общаться — отстань.

Чжао Хэн дёрнул его за рукав, но Добряк продолжал:

— Он и так каждый день выматывается. Твои приставания — это что, забота?

Чжунли Цэ удивлённо посмотрел на Чжао Хэна, но, не сказав ни слова, развернулся и ушёл. Чжао Хэн нахмурился. Голос его дрогнул, но слова вышли чёткими:

— Отец мой не на войне погиб. Он был красив, и дочь местного старосты в него влюбилась. Готова была даже с моим присутствием принять его в дом. Но он отказал. Тогда она велела схватить меня. Отец бросился выручать — и погиб у них во дворе. Боюсь, из-за меня и тебе беда может прийти.

— Не боюсь, — твёрдо сказал Добряк. — Если что — приходи.

— Почему ты так ко мне? — голос Чжао Хэна сорвался. — Я не стою такой доброты. У меня и сердца-то нет.

— Сам признаёшься, бессердечный, — Добряк хмыкнул. — Просто раз уж зовёшь меня Добряком, надо соответствовать.

Он ушёл. Чжао Хэн остался один. Он не понимал, что с ним происходит. Чжао Цзюнь был добр к нему — и он доставил его во дворец без единой царапины. Император был добр — и он пошёл в армию, вкалывая день и ночь, чтобы отразить милость.

Но Добряк... Добряк тоже был добр. И как за это отплатить? Кроме своей грошовой жизни, ему нечего предложить. Он видел — Добряк не такой, как он. Добряк ни в чём не нуждался. Он, Чжао Хэн, лишь притворялся знатным, а Добряк был им по праву. Что он мог дать такого, что

было бы ценно?

Голова шла кругом. Лёжа на постели, он вдруг вспомнил — есть одна вещь. Он знал, где её найти, и недалеко. Решил как следует выспаться, а наутро, отработав смену, отпроситься у начальника — сослаться на недомогание. И тихо, чтобы никто не заметил, выбраться из крепости к ближайшему городу.

<http://bllate.org/book/16277/1465522>